

Рец.:

Маргерит Дюра. Английская возлюбленная

Duras, Marguerite. L'amante anglaise.

Paris: Gallimard, 1967. – 196 p.

Вот уже двадцать лет, как продолжается литературная деятельность Маргерит Дюра, романиста и драматурга, известной у нас пока только как автор сценариев фильмов «Столь долгое отсутствие» и «Хиросима, моя любовь». Последние романы Дюра – «Вице-консул» (1966) и «Английская возлюбленная» (1967) вызвали, как и прежние ее произведения, оживленные отклики прессы, почти единодушные в положительной оценке «Английской возлюбленной» и расходящиеся во мнениях относительно «Вице-консула». Рецензент еженедельника ФКП¹ Серж Жилль, например, считает «Вице-консула» исключительной удачей и самой лучшей книгой Дюра². Высокую оценку дает он и роману «Английская возлюбленная».

Оценивая в целом творчество Маргерит Дюра, Серж Жилль делает, на наш взгляд, верное определение типа героя (вернее, героини), излюбленного писательницей: это женщина отверженная, осуждаемая обществом и «общественным» мнением, принимаемая за сумасшедшую, преступницу и подходящая под эти категории, если смотреть с обычной, поверхностно-«социальной», уголовно-карающей точки зрения. Если... но Маргерит Дюра хочет смотреть иначе, и для этого она призывает на службу и свое незаурядное мастерство психолога (а как трудно им быть во Франции не только после Пруста, но даже и после Фр. Мориака), и неназойливо используемые композиционно-стилевые новшества. Литературная техника Дюра нередко вводила в заблуждение, и ее числили среди представителей «нового» романа и «нового» театра. На наш взгляд, эта точка зрения поверхностна. Среди современных французских писателей Дюра является одним из наиболее интересных примеров того, что «современность» манеры вовсе не исключает «проблемности» и «психологичности», как уверяют представители антиромана и антитеатра и их апологеты. Но, быть может, Маргерит Дюра - эклектик, принаряживающий бойкую «тематику» по всем канонам последней моды? Думается, что подобный вопрос заслуживает только отрицательного ответа. Дюра не подбирает крох со столов различных «анти»-течений, у нее свои проблемы и свой стиль, хотя она вдумчиво и плодотворно усваивает то новое, что принесли во французскую литературу Марсель Пруст, Андре Жид, Франсуа Мориак, Жорж Бернанос и др.

Сюжетом «Английской возлюбленной» послужило то же «происшествие» из газетной хроники, которое уже было использовано писательницей для пьесы «Виадук Сены-и-Уазы» (1960). В 1954 году в товарных вагонах в разных концах Франции были обнаружены человеческие останки. Следствие установило, что все они принадлежали одному женскому телу, которое не могло быть опознано из-за отсутствия головы. Однако график движения поездов позволил обнаружить пункт, в котором останки были разбросаны по вагонам: все поезда с этими вагонами пересекли один и тот же виадук в Эпинэ-сюр-Орж. Вскоре были найдены убийцы - супружеская чета, умертвившая свою глухонемую кузину. Преступление не было ничем мотивировано - ни ссорами, ни ревностью, ни материальным интересом. Муж был приговорен к смерти, жена к пожизненному заключению. «Происшествие» и последовавший процесс привлекли внимание Маргерит Дюра, как повод поставить такую проблему: невозможность постичь подлинные мотивы человеческих поступков при поверхностном, «протокольном» способе исследования. Впрочем, Маргерит Дюра почти уверена, что подлинные мотивы непостижимы вовсе. Это придает замыслу ее книги известную метафизичность. Но все развитие романа внушает читателю, что

¹ «Франс нувелль», № 136 от 26 июля 1967 г.

² О «Вице-консуле» см. рецензию М. Ямпольского в этом номере бюллетеня.

мотивы есть, что они зарождаются под воздействием давления извне, со стороны общества.

Если в пьесе «Виадукки Сены-и-Уазы» преступление совершали, в соответствии с происшествием, оба супруга, - в «Английской возлюбленной» перед нами одна, по крайней мере, с процессуальной точки зрения, преступница - героиня книги Клер Ланн. Роман состоит из записи бесед воображаемого интервьюера (автор книги) с содержателем кафе в городке Виорн возле Парижа Робером Лами, мужем героини Пьером Ланном и самой Клер Ланн; эти три интервью берутся после того, как процесс закончился, и не преследуют никакой утилитарной цели: интервьюером движет не следовательский, а исследовательский интерес. Непрямая речь во всех трех диалогах отсутствует, что приближает роман Дюра к самым границам драматического жанра (это - роман для сцены, как есть «пьесы для чтения»); в интервью Робера Лами вставлена также комментируемая им магнитофонная запись бесед посетителей его кафе, сделанная полицейским агентом в тот вечер, когда Клер Ланн, провоцируемая, как можно подумать, своим мужем, сознается агенту в своем преступлении.

Три интервью - это три зеркала, в которых отражается Клер Ланн; кроме того, в каждом из зеркал отражается другое зеркало, игра отражений, возникновение новых образов ведет к ежеминутному опрокидыванию тех догадок, в которых только что был почти уверен читатель. Но никакого ускользания, никакой расплывчатости в главном: Клер Ланн не более преступница, чем ее муж и чем общество. Общество, «общественное мнение» олицетворяется «нейтральным», «незаинтересованным» зеркалом - свидетельствами Робера Лами. Вот нарисованный им образ Клер Ланн: «Любой мог видеть ее на скамеечке у себя в саду. В последнее время она даже не замечала, как правило, что вы проходите мимо. А уж про лень ее все знали» (с. 54). Кабатчик верно схватывает одну из доминант характера Клер - чувство обреченности, но мимоходом, ибо его, как деятельного, «общественного» человека гораздо в большей степени интересует (если его что-либо интересует вообще) будущее Пьера Ланна после того, как судьба освободит его от жены. Пьер Ланн подчеркивает другую черту Клер - безумие: «Я сказал бы, что она уже давно сошла с ума. И что этого не замечали потому, что ее безумие обнаруживалось лишь ей самой, когда она была наедине с собой, в своей комнате или в саду. Именно там в ее сознании проносились ужасные мысли» (с. 116).

Рассказ самой Клер - наиболее драматическая и, бесспорно, ключевая часть книги. В молодости, когда она жила в Кагоре, Клер испытала большое, всепоглощающее чувство; она и ее первый муж, полицейский, были счастливы в течение двух лет; безмерность счастья была такова, что Клер навсегда забыла Бога. Но когда муж единственный раз и, возможно, произвольно изменил ей, жизнь потеряла для нее всякий смысл. Машинально она выходит замуж за Пьера, который хотя и любил ее, но не старался, да и не мог понять. Ей оставалось только замкнуться в своем узком, фантазмагорическом мире, в котором любая пустяковина, любой ничтожный импульс внешнего мира принимает гипертрофированное, исключительное значение. Связи Клер с реальным, «общественным», мещанским миром, с «бытом» прерваны.

Ее глухонемая кузина Мари-Терез Буске, исполняющая у Ланнов обязанности служанки, напротив, вся в «жизни», «быте», повседневности, несмотря на свои врожденные физические дефекты. «Если бы не глухонмота, она была бы царицей той стороны», - говорит Клер. Какой стороны? - той, другой, к которой не принадлежит Клер, которая вся в «быте» и не взыскует ничего иного. Клер временами чувствует к Мари-Терез физическое отвращение, не испытывая при этом враждебности; она решительно отводит предположение о том, что убила Мари-Терез в аффекте ненависти. Верит ли ей читатель? - напротив, он скорее склоняется именно к этому предположению, хотя «игра зеркал» не оставляет в тени и двусмысленную роль мужа Клер, Пьера Ланна, который, быть может, желая избавиться от нее, вероятно

провоцирует не только ее признание, но и само преступление, а также итальянского сельскохозяйственного рабочего Альфонсо, единственного человека, находившего с Клер общий язык и скрывшегося за границу тут же после ее ареста.

Роман не содержит никакой «развязки», читателю предоставлено право самому выбрать мотив преступления и прямого или косвенного соучастника (соучастников?). «Треугольник» допускает, хотя и ограниченное, но разнообразие комбинаций - такое же, как омонимы словосочетания «английская мята» (*la menthe anglaise*): «*l'amante anglaise*» (английская возлюбленная) и «*la mante en glaise*» (глиняное покрывало), - подобным образом Клер, утратившая контроль над орфографией, обозначала почему-то дорогое ей растение; отсюда название романа.

Клер ждет пожизненное заключение в приюте для умалишенных. «Безумна ли она?» - «Да» - отвечает на ее собственный вопрос интервьюер. «В самой ли Клер заключено безумие?» - вправе спросить читатель. - «Нет, в том обществе, которое рождает отчуждение», - может ответить он, подумав, хотя такой вывод, как и «выводы» вообще, возможно, и не входили в намерения романистки.

Совр. худож. лит. за рубежом. - М.: ВГБИЛ, 1968. - № 1 (68). - С. 71-77.